

Душла вешцей

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

ВШКТ
ДХША

НОВЕЛЛА
МАТВЕЕВА

Вещей

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

ДУША ВЕЩЕЙ

КНИГА СТИХОВ

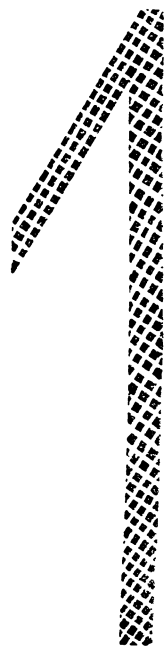
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА 1966

«*Душа вещей*» — третья книга стихов Новеллы Матвеевой.

Читатели полюбили творчество этой поэтессы за настойчивое стремление к чистым и ясным образам, за романтическую жажду необычного и за способность находить это необычное в самых обычных, скромных чертах нашего быта. В стихах новой книги Н. Матвеева размышляет о жизни и искусстве, пишет о природе, о человеческой доброте и любви. Как и в других сборниках Новеллы Матвеевой, в новой ее книге много стихов-песен, где сказочное причудливо сочетается с реальным, где фантазия поэта согрета сердечным лиризмом.

И. К.

ПЕСНЯ В ПЕСНЕ

На плоту уплывающем стоя,
Огибая речную излучку,
Древней руны руно золотое
Перекинула я через руку.
Суетились у пристани лодки,
Цепи якорные
Рокотали,
Под водой, как белье на веревке,
Отраженья домов трепетали.
И качалась труба заводская
Рукавом великаньей фуфайки,
И, металлом заката сверкая,
Будто ножницы,
Лязгали чайки.
И плыла я и пела: «Недаром
Шар земли называется шаром;
Оттого, что земля не квадратна,
Я всегда приплываю обратно».
И речные плывущие вещи
С никуда не плывущими вместе
По-домашнему мне подпевали
И других подпевать подбивали.

Пели шлюпы с цветными бортами,
Пели кольца безмолвного дыма,
Как немые, с закрытыми ртами,
Пели бревна, плывущие мимо,
Пели волны, уключины пели,
Но никто их, казалось, не слышал,
И никто из темнеющей двери
На темнеющий берег не вышел.
Только там, где река поворотом
Прилила к повороту дороги,
Тихо стал неотчетливый кто-то
На едва освещенном пороге.
Человеком ли, дымной ветлюю,
Или ивой, чье синее знамя
Прячет в воду концы,
Или мглою,
Полной каверз, он был — я не знала.
И была ль моя песня во мраке
Пузырьком на подводной коряге,
Или звоном в ушах,
Или следом
Птицы в небе — он тоже не ведал.
Но почудилось мне почему-то:
Промелькнуло по воздуху нечто,
И река загорелась —
Как будто
Этот миг утвердился навечно.
...И плыла я и пела: «Недаром
Шар земли называется шаром;
Оттого, что земля не квадратна,
Я всегда приплываю обратно».

ОТГОЛОСОК

Мне самой непонятно:
Отчего это я, невпопад,
Поглядев на полоски и пятна,
Вспоминаю про шар и квадрат?
Как могу несовместные вещи,
Врозь простые, но странные вместе,
Надевать на единую нить?
Чем я это должна объяснить?
Тициановские полотна
Вижу в трещинке на стене;
Вижу кринку и хлеб — на луне...
Так бывает, когда безотчетно
И бесцельно мечтается мне.
Помню море — по запаху досок,
Снег — по блюдцам, разбитым зимой...
Так бывает, когда отголосок
Долговечнее песни самой.

Время песни размечено строго;
Посторонние вещи при ней
Ненадолго припомниться могут;
Отголосок у песни — длинней.

От весны он готов дотянуться до снега.
Он вместительней песни,
Он емче ковчега
Для смешных посторонних теней,
Не имеющих дела при песне,
Но смело
Контрабандой живущих при ней.
Песня спета,
Но отзвук
Беспределен, как воздух,
Как вода...
Не от звука — от отзвука образ...

Звук сегодня, но эхо — всегда.

Отголосок рисует
Против правил, и этак и так,
И, резвясь, воедино связует
Марс, Афины и старый башмак.
Шквал, корзина, известка,
Страшный Суд и дорожная грязь,
Ветер, зеркало, хворост, повозка
И на старых обоях сырая полоска
В продолжении отголоска
Обретают бессвязную связь...

Отголоску внимаю,
Как заклятию... Прутик в руке:
В этот миг я не знаю,
Что и как начерчу на песке...

Отзвук музыки — область,
Где не видишь, а смотришь в упор;
Начерчу ли я образ
Или смертный себе приговор?

Отголосок забывчив;
Так один из турнирных задир
С грозной башни упал, не разбившись,
Потому что разбиться — забыл...

Отголосок задумчив;
Я ночной океан узнаю
И матросов, задувших
В нем последнюю спичку свою...

...Все могу потерять я,
Все могу обрести,
Потому что смешала понятия:
«Потерять» и «Найти».

1964

ДРЕВЕСИНА

Кольца на пне —
Как на воде круги,
Словно кто нырнул
И в волны завернулся.

Кольца на пне —
Как на воде круги:
Словно, кто нырнул
И больше не вернулся.

— Кто бы ты ни был,
Вынырни! Вернись! —
Руки ломая,
Вокруг деревья гнутся, —
Видим:
Круги над тобою разошлись, —
Если погиб,
То они должны сомкнуться.

Нет! Над тобой не смыкаются круги;
Значит, не все запропало под волнами,
Значит, вернешься,

Значит, не погиб,—
Выбежишь,
вынырнешь,
станешь между нами!

Каюсь: боюсь полированных столов,
Кресел...
В красивой кончине древесины
Вижу абсурд
Полированных стволов,
Бритой долины,
Лощеной лощины...

Светит под лаком
Сучок,
Который врос
В крышку стола —
Лакированную лужу;
Так мальчуган,
О стекло расплющив нос,
Смотрит из запертой комнаты наружу.
Нити древесные вьются, словно флаг,
Тают, как дым,
Летят, как тучи пыли,
Гибко плывут...
Но когда бы этот лак
Их не прикрыл —
Ведь они бы дальше плыли!..

Так на бегу спотыкается бегун,
Так прерывается бьющаяся жила,

Так с корабля выливают на бурун
Жир из бочонка,
Чтоб судно проскочило.
Так над стремниной извилин мозговых
Кто-то встает и, промолвив «Успокойся»,
Жестом руки останавливает их...

Лак,
Ты — мой враг!
Нет,
Уж лучше эти кольца!

Кольца на пне —
Как на воде круги,—
Кто-то нырнул — и надеждой сердце
бьется:

Вынырнут,
Вынырнут новые ростки!
Кто-то не сразу, обходом,
Но — вернется!

СТРАНА ДЕТСТВА

Я бы сменяла тебя, там-там, на тут-тут,
Ибо и тут цветы у дорог растут.
Но не самой ли судьбою мне дан там-там?
Ибо глаза мои тут, а взгляд мой — там.

«Там» — это пальма, тайна, буддийский храм.
Остро-нездешних
Синих морей благодать...
Но еще дальше,
Но еще больше — «Там»,
То, до чего, казалось, рукой подать.

...Пронизан солнцем высокий пустой сарай...
«О, как я счастлив!» — кричит во дворе петух...
Свежие срезы бревен подобны сырам,
Пляшет, как дух, сухой тополиный пух...

Помню: кистями помахивала трава,
В щели заборов подглядывая, росла,
И ветерок, не помнящий родства,
Тихо шептал незапамятные слова...

Там одуванчиков желтых канавы полны,
Точно каналы — сухой золотой водой...
Жаль: никогда не увидеть мне той стороны,
Желтой воды никогда не набрать в ладонь.

Я и сейчас как будто блуждаю там,
И одуванчики служат мне канвой,
Но по пятам, по пятам, по моим следам
Тяжко ступает память — мой конвой.

Можно подняться — в конце концов — на Парнас,
Якорь на Кипре кинуть, заплывать за Крит,
Но как вернуться
Туда, где стоишь сейчас?
Где одуванчик долгим дождем закрыт?

Витает, как дух, сухой тополиный пух,
Боится упасть: земля сыра, холодна...
Боится душа
С собой побеседовать вслух,
Боится признать,
Что потеряна та страна.

МОСТЫ

Смешался свет витрин
Со светом фонарей,
Свет фар и свет реклам,
Свет окон и дверей,
А по реке, где спину выгнул мост,
Бежит луна — и тащит сетку звезд.

Крутой прогиб моста
Рекою отражен:
Два полукруга круг
Замкнули с двух сторон,
А в этот круг
Вбегают огоньки,
Как в обруч — прирученные зверьки.

Хоть нынче на мосты
Не ставятся посты
И не берет никто
Налогов мостовых —
По-прежнему прохожие на них
Сбавляют шаг: им нравятся мосты.

Не оклик часовых
Задерживает их,
А нити золотых,
На сваи навитых,
Растянутых теченьем огоньков
Да помесь тины с тенью облаков.

Не нужен тут пароль.
Но чудится порой:
Незримые стоят
Солдаты на посту,
А им-то и нужнее, чем пароль,
Сама твоя задержка на мосту.

Как будто только в том,
Как будто в том одном,
Что, околдованный поверхностью и дном
Бегущей вдаль реки,
Ты задержался здесь,
У призрачных перил,
Пароль и есть.

Но если, не взглянув
На ход хвостатых струй,
Разорванной луны
И вытянутых звезд
И не отдав пароль,
Ты в миг минуешь мост —
То и меня, как этот мост, минуй.

СЛЕДЫ

Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы.
Над плоскодонною пропастью
Эхо — как пушечный дым.

Видно, прошел тут
И шепотом
Песню сказал пилигрим;
Долго, стреляющим хохотом,
Горы смеялись над ним.
Тут не отделаться дешево,
Как бы ни крался в обход;
На смех подымут прохожего
Чудища, каменный сброд.
Выход — молчанье упорное.
(Эхо! Язык придержи!)
Зря говорили, что полная
Фарса и дьявольской лжи,
Каверзная дисгармония
Только искусству дана;
Есть и в природе ирония:
«Эхо» — зовется она.

Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы.
Над плоскодонною пропастью
Эхо — как пушечный дым.
Бродит оно и слоняется,
Катится с места в карьер
И головой прислоняется
К смутным воротам пещер.

Слиты в нем сон и бессонница,
И вероломство, и власть;
Что ему стоит
Бессовестно
Слово из песни украсть!
Пусть,
Опасаясь предательства
Отзвуков,
Путник молчит;
Стук его палки
В ругательства
Гулкая ночь обратит.
Против его осторожности
Будут его же ступни;
Что за ужасные пошлости
Вслух произносят они!

...Где это море? — вы спросите.—
Где этот пляшущий риф?
Где — без морщинки, без проседи —
Вечнозеленый залив?
Где эти заросли плотные
В лунной бесплотной пылице?

Странные птицы, животные,
Люди с огнем на лице?
Гибкие пальцы упрямые,
Чаши, цепочки с резьбой?
Эхо!
Не путай слова мои;
Я говорю не с тобой!

Но утешенье напрасное
Только на эхо пенять:
В темное слово и в ясное
Спрятан порыв: не понять!
Слово потом разветвляется,
С ним же ветвится разлад...
Не оттого ль замедляется
Путь между каменных гряд?

Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы...
Над плоскодонною пропастью
Эхо — как пушечный дым.
В сумрак, исчерченный змеями,
Русло уходит, ветвясь...

В путь!
Между розными звеньями
Рвусь восстанавливать связь.

1962—1965

ДОРОГА

Мягко мелькают
Яркою ночью,
Весною,
Тени листвы на пути, озаренном луною,
Как на воде
Морщинки чуть видимой зыби,
Как чешуя на спине
Серебряной рыбы.

Звон соловьиный,
Нежный и замкнутый ветер,
Сети тропинок
В сонном лесном полусвете,
И на всю ночь
Этот мир
Дорог и тропинок
Залит молчаньем,
Путниками
Покинут.

Странно мне знать,
Что никто из дома не выйдет,

Синих тропинок,
Белых дорог не увидит;
Ночи навстречу
Сердце ничье не забьется,
Мимо их снов
Ночь — незадето — прольется.

Сны о копытах мелькающих,
Сны о колесах
Юным не снятся;
Старым — не грезится посох...
Странно мне знать, как молчат сейчас
накаленно
Струны дорог, натянутые до звона.

Но и в молчанье ночном
Мне чудятся звуки:
Скрипы колес
И пыльных копыт перестуки,
В старых телегах
Песни лентяев обозных,
Полные скорби
Зовы гудков паровозных.

1958—1965

Море наклонилось
В сторону побережья;
В глубине пробрезжил
Рыжий отсвет ила...
Из волны передней
Вырезалась пена,
И волна упала,
Преклонив колено
Перед кромкой суши,
И ушла, расширясь,
И по шву расшилась —
Стала ниже, уже,
Перешла в другую,
Из которой тоже
Вырезалась пена,
Но и та упала,
Преклонив колено
Перед кромкой суши,
И ушла, расширясь,
И по шву расшилась —
Стала ниже, уже,
Перешла в другую...

Дальше не могу я
Повторять мельканье
Волн,
Их замиранье,
Шум,
Перебиранье
Пены
И разборы
Хлопьев на узоры;
Голова кружится...
С морем не ужиться...
А без моря тоже —
Пропаду и сгину,
Тело с духа скину...

...Свежий запах тины...
Водоросли
Цепью
Выстроились лежа —
Плоские, похожие
На сырую кожу...

Боже!
Как мне хочется
В эту даль за мбрем,
В это золотистое
Мокрое сиянье,
Душу и мечту берущее
Измором!
Как люблю я этот
Ужас расстоянья!
Я прошу о нем,

Как просят подаянья..
Но уходит солнце,
Слов моих не слышит...

...Думаю про солнце:
Золото — а дышит;
Ходят, как живые,
Золотые жабры,
Отблески заката...

...Море!
Ты залято
Для меня — я знаю!
Воздух твой соленый
Я вдыхаю
Жадно,
Но землистой горечи
В нем сухая примесь...
Море!
Я же знаю:
Ты меня не примешь!
О, я точно знаю:
Никогда не примешь!

1965

СТЕПЬ

Черной кажется вечерняя трава,
Медным зеркалом горит сухой закат,
И какие-то ночные существа
Мерно чмыркают и дробно тарахтят.

И какой-нибудь высокий стебелек
Сам собою, как на озере камыш,
Вдруг наклонится... Как видно, здесь,
Кто-то кроется... А кто — не разглядишь...
у ног,

Кто-то матовый, травинку накренья,
Сыплет слоги, словно рыбка — пузыри,
Чьи-то трели щиплют воздух за края,
И зашипанно краснеет край зари.

Кто-то лезет в колокольчик, как в рукав,
Но не может — и спешит по стеблю стечь,
Кто-то дергает за вожжи длинных трав,
Кто-то дергает — и дергается степь.

Степь лежит, как великанша вниз лицом:
Не спеша по ней разгуливают сны...
Но как цепь ее сковал огромный сон:
Снов-малюток ей не сбросить со спины...

С тяжелой легкостью они по ней ползут
На бесплотных, но пронзительных ногах,
Как подкованный железом легкий зуд,
Зуд, где каждая зудинка — в сапогах.

Из волос ее свои знамена ткнут,
По плечам ее пасут своих коней,
И по ней своих убитых волокут,
И глубокие могилы роют в ней...

Степь лежит, как великанша вниз лицом,
И грустит она во сне, и ключья слов
Шепчет...
В эту ночь
Ее огромный сон
Размельчен на миллионы мелких снов...

Как проснуться ей?
Как плечи распрямить?
Как ей сбросить со спины печальный сон?
Я расталкиваю степь:
Перевернись!
Повернись навстречу ветру,
Вверх лицом!

ОБИЖЕННЫЙ ВСАДНИК

Пахнет копченым и жареным
Из каравайчатых юрт.
Кони
Восторженным ржанием
Ржавую степь обдают.

Ночь за курганами копится,
И размещается в ней
С черными копьями копоти
Желтое войско огней.

Месяц наточенный плавает,
Ищет себе рукоять...
Нет, не захочет лукавая
Выйти из юрты опять!

Конь ты мой, конь ты мой бешеный,
Глинисто-красная масть!
Мчимся по выжженным плешинам
В степь холодящую впасть!

Все в этом холоде выстужу!
Песни? — их нет у меня;
Все, что словами не выскажу,
Выстучу бегом коня,

Все, чего перьям не выскрипеть,
Пусть по камням скрипит
И превращается в искропись,
В гордую песню копыт.

1965

□ □ □

Что-то не знаю: спят или дремлют силы...
Не от весны —
От стужи фиалки сини;
Солнце не теплое, даже закат — поддельный;
Вешняя ночь — холоднее реки подземной.

Духи славянские,
Греции древней духи,
Духи цыганские — все к моим песням глухи.
Может быть, так потому, что и песни немые?

Неразговорчивы что-то мои поэмы...

Стыд вам, волшебники, если и вы не спецы
Выслушать песни, которые — пусть! — не спеты;
Днем между рамами зимняя бьется муха,—
Мухина песня и та достигает слуха!

Щелкнула почка
На сероватой иве...

Я же молчу,
я с целой землей в разрыве...
Где-то, вдали от родных берегов кочуя,
Слышал, как пела, услышишь ли, как молчу я?

1964

ГИПНОЗ

Шипели джунгли в бешеном расцвете
У вздутой крокодилами реки,
Где обезьянки прыгают, как дети,
А смотрят — как большие старички.
Одна из них так быстро проскакала —
Лишь рыжий росчерк в воздухе мелькнул;
Как будто кто-то пригоршню какао
Сухую стружкой с ветки сыпанул.
Змея с четырехгранной головою
Взглянула на нее из-под очков
И двинулась под сводчатой травой,
Как длинная процессия значков
И крапинок... Сведенные предельно,
Казалось, эти крапинки сперва
Ходили где-то — каждая отдельно,
Но их свела полковник-голова.
Змеиный взгляд, заряженный гипнозом,
Среди сорокаградусной жары
Дышал сорокаградусным морозом...
От ужаса вращались, как миры,
Плоды граната... Перезрелый манго,
Разболтанный и мягкий, точно магма,

С дрожащей ветки шлепнулся без чувств
При виде длинной судорожной твари,
Чей трепет, инкрустации и хруст
Все оковали, всех околдовали.

Но рыжая мартышка не проста:
Она умчалась вдаль, тревожно пискнув,
И чаща, листья вычурные стиснув,
Как руки, веки, зубы и уста,
За ней слилась...
Но что с мартышкой случилось?!
С пронзительными взвизгами
Назад,
Назад, назад запрыгала:
Казалось,
Ее, как пальцем, тронул чей-то взгляд.
Ничьи глаза, казалось бы, со взглядом
Надолго разминуться не могли,
Но странный взгляд висел с мартышкой
рядом,
А вот глаза — покоились вдали.

Глаза лежали на головке плоской,
Как на тахте. Из них тянулся взгляд,
Как дым из трубки, призрачный, но плотный,
И звал: «Наза-ад, отступница, наза-ад!»
Сквозь легионы сутолочных веток
В слепом непроницаемом цвету,
Сквозь хрупкий хруст растительных розеток,
Сквозь плотную, как пепел, духоту,
Сквозь малярийно-желтые накрапы
Брызгучих трав, сквозь хищные цветы

Он плыл и плел веревочные трапы,
Незримые воздушные пути
Из нитей сна;
Аркил без аркана,
Капканил без капкана,
Без силков
Осиливал;
Дурманил без дурмана,
Оковывал заочно, без оков...
Сквозь обморочные благоуханья
Болот, где самый воздух, сам туман
В цвету,
Сквозь переплеты и петлянье
Качельно-перекидистых лиан
Он проникал
С каким-то древним, давним,
Безбольным, безглагольным, безударным
И беспощадным выраженьем
(Жест
Неумолимых глиняных божеств).

И вдруг... В листве забил воздушный ключ,
И попугай, чей клюв был ярко вдавлен
В цветную грудь, как пламенный сургуч,
А крылья глянцевитые осклизли
Зеленым блеском бронзовых зеркал,—
Вокруг сучка перевернулся трижды
И так забился, так заскрежетал,
Как будто брал недавно в общей кухне
Уроки лязга у семи котлов;
Зашаркал горлом, как ночью туфлей,
Раскашлялся, как будто нездоров,

А сам спокойно и невозмутимо
Сухим глазком глядел куда-то мимо,
Как симулянт при виде докторов.
И как бы ненароком, невзначай,
Перед мартышкой, скачущей по веткам,
Как десять флагов, пущенных по ветру,
Как пьяный факел, вспыхнул попугай.
Дивясь его цветастому смятению,
На ветке обезьянка замерла,
И личико, изъеденное тенью
Затейливых растений, поднесла
К лучу, как ложку к супу...
Свет закапал
Сквозь листья ей в глаза,
Проник за капор
Линялой шерсти...
Сделалось светло:
Разбилось наважденье, как стекло.
Но как неясный крест оконной рамы
Стоит в глазах, уже смеженных сном,
Когда ложишься спать перед окном,
Так взор змеи, упругий и упрямый,
Еще с минуту в воздухе висел,
С минуту терпеливо ждал кого-то,
И наконец, как призрак переплета
Оконной рамы, вылинял, осел,
Сломался по частям, пропал совсем.

И вот, то сокращаясь, то вздуваясь,
Переливаясь,
Как железный дым,
И все-таки над кем-то издеваясь

Самим существованием своим,
Прохлестывая туловищем травы,
Ушла змея...
А попугай вослед
Орал ей что-то вроде: «Твар-ри! Твар-ри!
А крыльев нет! Ур-ра! А крыльев нет!..»

1964

ТЕРПЕНИЕ

Сорваться эффектнее, чем устоять,
Разбить романтичнее, чем уберечь,
Отречься приятнее, чем настоять,
А самая легкая вещь — умереть.

Мне тоже — нет-нет и захочется прочь:
В какую-то бурю, в какую-то ночь,
И хлопнуть какими-то эдак дверьми
С каким-нибудь «Эх!» или «Дьявол возьми!».

Но нет, не сорвись! Паутину с лица
И ту не сними, словно гостью прими;
Ведь, только покуда она не снята,
Почувствуешь к а к паутину сплели.

И стану я камнем, и стану я льдом.
И недруг, меня за опору приняв,
Не ведая, кем обернусь я потом,
Пройдет и проедет по мне на конях.

Следы от колес, от сапог, от полков,
Меня зачеркнувшие, я изучать

СОВЕРШЕНСТВО

Боюсь совершенства, боюсь мастерства,
Своей же вершины боюсь безотчетно;
Там снег, там уже замерзают слова
И снова в долины сошли бы охотно.

Гнетет меня ровный томительный свет
Того поэтического Арарата,
Откуда и кверху пути уже нет,
И вниз уже больше не будет возврата.

Но мне, в утешенье, сказали вчера,
Что нет на земле совершенства. И что же?
Мне надо бы радостно крикнуть «Ура!»,
А я сокрушенно подумала: «Боже!»

1957—1964

ГАРМОНИЯ

Ищу гармонию во всем: вдали и под рукой,
Но прочно-симметричное устройство —
По имени Гармония — таит в себе покой,
Внушающий — опять же — беспокойство.

И я впадаю в крайности. А крайность — людоед;
Избыток солнца есть пожар пустыни.
Бегу от края к середине — середины нет;
Посредственность лежит посередине.

Уж чересчур моя рука ранима и нежна
Для битвы с тьмою, черною как вакса;
Не истина седьмых небес
Для боя мне нужна,
А кожа в семь слоев, как щит Аякса.

Но вряд ли в бой тогда пойду:
Сквозь кожу в семь слоев
Я страждущего мира не расслышу,
Как не расслышать ни дождей, ни стонущих ветров
Сквозь наглухо заклепанную крышу.

Гармония?

Не крик борьбы, не тысяча гримас
Больной любви уroda,
Не смятенье,
А полный статуями сад, да бабушкин рассказ,
Да яблони крахмальное цветенье.

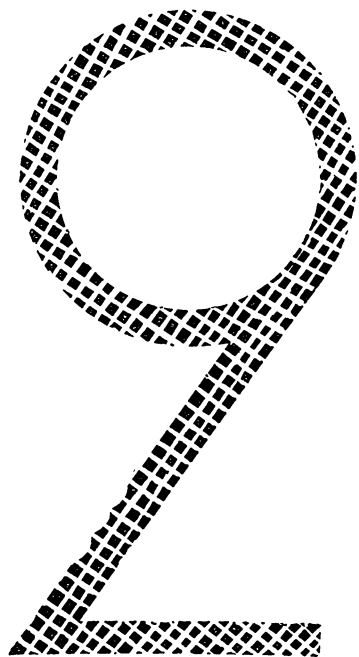
Не зли меня, гармония! Не шествуй не спеша!
Не будь ты никогда! Иль будь навеки...
Ты хороша, гармония, но слишкoм хороша,
О, слишком хороша для глаз калеки!

Не гладкой закругленностью, не плавною чертой—
Увечьем постигается увечье,
И вспыхнул Байрон на земле, чтоб гневной хромотой
Почувствовать ее неравновесье.

Кто скажет, что гармония искусству тяжела?
Законченность — законна и похвальна,
Но только то, что лучшего оставит пожелать
И к бoльшему рвануться,— гениально.

Придет пора, гармония,
Придет твоя пора,
Но ведь она еще не наступила!
Не смей же звать обойщиков, пока в стене дыра,
И вешать люстры прямо на стропила!

Мир должен быть не поверху прекрасен, а насквозь
Прекрасен! Ведь оснастка — не основа!
А кто уже украсился — тому бы не пришлось
Потом разгармоничиваться снова.

ПЕСНИ КИПЛИНГА

Ты похлопывал гиен
Дружески по спинам,
Ты пожатием любви
Жало кобры жал,
Трогал солнце и луну
Потным карабином,
Словно прихоти твоей
Мир принадлежал.

Кроткий глобус по щеке
Потрепав заранее
И, как столб заявочный,
В землю вбив приклад,
Свил поэзии гнездо
В той смертельной ране,
Что рукою зажимал
Рядовой солдат.

Песня — шагом, шагом,
Под британским флагом.
Навстречу — пальма пыльная
Плыла издалека;

Меж листьями — кровь заката,
Словно к ране
Там прижата
С растопыренными пальцами рука...

Брось! — не думай, Томми,
О родимом доме;
Бей в барабан!
Бей в барабан!
Эй, Томми, не грусти!
Слава — слева,
Слава — справа,
Впереди
И сзади — слава,
И забытая могила — посреди...

Словно сахарный пожар,
Снег вершин пылает,
А ущелья
Веселей
Винных погребов...
О, надкусанный Восток!
Цепи Гималаев,—
Точно в мякоти плода
Оттиски зубов.

Но, прихрамывая, шел
Томми безучастный,
Без улыбки, без души,
По земле чужой,
И смутили Томми слух
Музыкой прекрасной,

Чтоб с улыбкой умирал,
Убивал — с душой.

И взлетела рядом
С пулей, со снарядом
Песенка:
О добрых кобрах,
О дневных нетопырях,
Об акулах благодарных,
О казармах светозарных
И о радужных холерных лагерях.

Сколько,
Сколько силы
В этой песне было!
Сколько жизни... в честь могилы!
Сколько истины — для лжи!
Постижим и непостижен,
Удержал — так отпусти же,
Отпусти нас или крепче привяжи!

Песня!
Все на свете
Дышит песней;
Ветер,
Гомон гонга,
Говор Ганга,
Мерный шаг слона...
Да не спеть нам ни единой,
Ни единой — лебединой,
Ибо в песню вся планета впряжена.

...Ноги черные сложив
Как горелый крендель,
На земле сидит факир —
Заклинатель змей.
Встала кобра как цветок,
И на пестрой флейте
Песню скорби и любви
Он играет ей.
Точно бусы в три ряда,
У него на шее
Спит гремучая змея;
Зло приглохло в ней.
Властью песни
Быть людьми
Могут даже змеи,
Властью песни
Из людей
Можно делать змей.

...О, прощай, могучий
Дар напрасно жгучий!
Уходи!
Э, нет! Останься!
Слушай!
Что наделал ты? —
Ты,
Нанесший без опаски
Нестареющие краски
На изъеденные временем холсты!

РОБЕРТ БЁРНС

Переплетается туман
В лощинах поутру,
Румяный вереск по холмам
Струится на ветру.
Полутемно еще в лесу,
Но к утру лес готов,
И солнце залпом пьет росу
Из листьев и цветов.

Полутемно еще в лесу,
Но солнце залпом пьет росу,
Пронзает золотом лозу,
Рябит кору дубов...

В дорогу, путник, выходи!
Ты слышишь пенье птиц?
Прохлада утра по пути
Прогонит сон с ресниц.
Не зря в лугах твоих родных
Когда-то жил поэт,
Который раньше всех других
Приветствовал рассвет,

Когда бледнеет влажный лог,
И пламенеют облака,
И разгорается восток,
Как девичья щека.

Писал он песни, как дитя,
Как будто не писал,
Как будто в озеро, шутя,
Он камешки бросал.
Но до сих пор
По склонам гор
Слышны его шаги,
И не сомкнулись до сих пор
На озере круги.

Светло. Трава на дне видна...
Достали камешки до дна,
Но все идет еще волна
Вокруг его строки.

Пропали в склепах без следа
И герцог и барон,
Затихла праздная пальба
Раскатистых имен.
Но все идет еще волна,
И все живет певец;
Достали камешки до дна,
А песни — до сердец.

...И замка, Робин, нет прочней,
Чем песенка твоя:
Как прежде, пахарь пашет с ней,

И с нею шьет швея,
И вечерок проводят с ней
За чаркой два дружка,
И пляшет с ней
Толпа теней
В мельканье камелька.

Пронизан ею вкус вина,
Во всех ветрах шумит она,
Дождем в окно стучит она,
Когда идет весна...

Ты слышишь, Робин?
С ней кузнец
Вздывает молот свой...
Народ — навеки твой венец,
Твой памятник живой.
За то, что был ты верный сын
Своих лесов, полей,
Своих вершин,
Своих долин,
Шотландии своей,—

Спасибо, славный Робин!
Знай:
Свободным будет этот край,
Счастливым будет этот край
До окончанья дней!

1959

СТАРЫЙ ПЕВЕЦ

Певец асфodelей и маленьких нимф,
Богемы изысканный гость,
Вернулся домой
И потрепанный нимб
Устало повесил на гвоздь.
«Маслины,— шептал он,— гирлянда, бутон,
Муслин... марципаны... софа...»
И слушал, как сладостно тают потом
По комнатам эти слова.
Он думал, что слово — фарфор и хрусталь,
Он песни другой не имел.
(А дождик уныло по стеклам хлестал,
А ветер печально шумел.)
Он пел о наклоне усталых ресниц,
О позднем свиданье теней,
О чахлой побелке на стенах больниц,
О черных пополах коней...
Салонов паркетная зыбь
До сих пор
Его отраженье хранит...
Он думал, что слово — хрусталь и фарфор,
А слово-то было гранит.

Над розою, сплюснутой между страниц,
Он плоским свистал соловьем,
И сыпались тени изломанных птиц,
Как листья, в сухой водоем...
...Под утро упала от ветра сирень
И вся распласталась, шурша...
Он понял, что слово — гранит и кремень,
А слово-то было — душа.
Кольцо перемен, превращений кольцо
Он тщетно пытался разнять,
И тонкое
Остановилось лицо,
Как маска,
Которой не снять.
Но облачко славы вилось по следам,
И старый кряхтел граммофон...
Как песня старалась
Не кончиться там,
Где только что кончился он!
О, ей бы остаться, как пальцу в кольце,
В бессмертия странной стране!
Но даже при жизни он пел о конце —
И стало быть, умер вдвойне.

□ □ □

Не пиши, не пиши, не печатай
Хриплых книг, восславляющих плоть!
От козлиной струны волосатой
Упаси твою лиру господь!

Не записывай рык на пластинки
И не шли к отдаленной звезде,
В серебристую дымку
Инстинкты
И бурчанья в твоём животе.

Верь:
Затылок твой — круглый и плотный,
Группа крови и мускул ноги
Не предстанут зарей путеводной
Пред лицом поколений других!

...Как волокна огнистого пуха,
Из столетья в столетье
Летят
Звезды разума, сполохи духа,
И страницы в веках шелестят...

Но уж то, что твоя козлоногость,
Возгордясь, разбежалась туда ж, —
Для меня беспремерная новость!
Бедный мастер!
Закинь карандаш,
Отползи поскорее к затону,
Отрасти себе жабры и хвост,
Ибо путь от Платона к планктону
И от Фидия к мидии — прост.

1965

□ □ □

Я, говорит, не воин,
Я, говорит, раздвоен,
Я, говорит, расстроен,
Расчетверен,
Распят!

Ты, говорю, не воин,
Ты, говорю, раздвоен,
Распят и четвертован,
Но ты — не из растяп.

Покуривая трубку,
Себя, как мясорубку,
На части разобрал,
Ты, может быть, и прав.

Но знаешь? — этой ночью
К тебе придут враги:

Я вижу их воочью,
Я слышу их шаги...
Ты слышишь?
Не слышишь?
Они ползут, шуршат...
Они идут, как мыши,
На твой душевный склад.
И вскорости растащат
Во мраке и в тиши
Отколотые части
Твоей больной души.

— А что же будут делать
Они с моей душой?
А что же будут делать
С разбитой, но большой?

— Вторую часть — покрасят,
А третью — разлинуют,
Четвертую — заквасят,
А пятую — раздуют,
Шестую — подожгут,
А сами убегут.

Был человек не воин,
Был человек раздвоен,
Был человек разрознен,
А все, должно быть, врал:

Прослышав о напасти,
Мигать он начал чаще,
И — сгреб он эти части,
И ничего! — собрал.

1965

О страшный суд!
Неужто ни души
Бессмертной так и не было на свете?!
Но что я вижу!
Книги,
Чертежи,
Мотыги,
Статуи,
Рыбачьи сети...
Здесь —
Каждый что-то строил,
Пел,
Лепил,
А мглы нависшей
Как бы и не видел:

Кто прежде ненавидел и любил,
Тот и теперь любил и ненавидел.
И, между тем как, ползая у ног,
Собаки жались к маленьким каюрам,
Художник
На последний свой мазок
Поглядывал с критическим прищуром,
И шел поэт, спокойный, как ковчег
Над всплесками библейского потопа,
И телескоп смотрел, как человек,
И человек стоял у телескопа.
Как светятся два глаза!
Как приник
Он к блеску звезд, сочувственно дрожащих!
Как счастлив! — хоть не станет через миг
Ни глаз, ни звезд, глазам принадлежащих.

И в страшный час, когда из
 Подлеца,
Как залп из жерла, хлынул крик развязки,
И вылезло лицо из-под
 Лица,
И выскочила маска из-под
 Маски,—

Вбежал какой-то хрупкий человек,
Стал посреди всего земного шара,
С лицом усталым, как весенний снег,
Подтаявший от близости пожара.
«Нашел! —он крикнул.— Эврика! — как брат,
Раскрыв народам быстрые объятия,—
Я знал, я знал, что входят в яд и в ад
Противоядьё и противоядьё!
Не будет взрыва! Атомы за нас!
Да будет жизнь! Вы — будете. Я — буду!
Я сделал ВСЕ! И завершил — СЕЙЧАС.
Да!—в этот миг. В п р е д с м е р т н у ю минуту».

КОРОЛЬ ПЕПЛА

Два лагеря в различии глубоком,
Два разных мира, мы в одном равны:
Мы все под бомбой ходим, как под богом,
Все.

Вплоть до поджигателей войны.
Как лошадей ковбой тexasский гонит,
Вооруженье с присвистом гоня,
Вы мните, сэр, что в а с война не тронет?
Не опрокинет в а ш е г о коня?

Ну, хорошо!

Допустим для примера,
Что нежит вас улыбка револьвера,
Взаимность бомбы, добродушие мин,
Что взрыв не враг вам,
Ибо вам же — сын.

Допустим, поджигатель нескораем,—
Твердь треснула от жара, но не он.

И вот картина:

Мир необитаем,

А в центре мира — вы —

Увы! —

Громадного масштаба Робинзон.

О, с оговоркой!
Паруса не ждете
И Пятницы для вас потерян след
(Что, впрочем, применимо и к субботе,
И к воскресенью, нет ни дней, ни лет,—
Смешались времена, как пел поэт).
Что станете вы делать в мире этом?
Чем торговать-то?
Че-ем?
Небытиём?
Бессмертьем?
Пеплом?
Но каким предметом
Мы тот же пепел с вами соберем?
Опять допустим:
Вы свершили чудо —
Нашли совочек.
Подцепив товар,
Несете.
Но зачем? Куда? Откуда?
Кто это купит?
Чем заплатит вам?
Все рынки, сэр,
Все ярмарки,
Базары,
Торговцы,
Покупатели,
Товары,
Банк,
Биржа —
Все
У вас в одной руке,

В одном совке.
Так что же вам еще?!
Монархи жирной нефти,
Цари угля —
Всё призрак,
Всё мираж...
Торгуйте же!
Не бойтесь конкуренции!
Весь уголь — ваш,
Весь дом, весь пепел — ваш!

1960

*

О НАГРАДАХ

1

С высот социализма,
С палубы
Высвобожденья из чинов
Довольно странно слушать жалобы
На недодачу орденов.
Тому — поклон недоотвесили
(Изгиб не слишком был крутой),
Другому — орден недовесили,
Того — обвесили звездой,
Иного — обнесли литаврами
(Разбили целую судьбу!),
Того — не так покрыли лаврами,
Как если бы он был в гробу...

У пеликана (я запомнила).
Под самым клювом есть мешок:
Он много-много рыбы пойманной
Туда откладывает впрок.
А вы мечту о славе выплюньте!
Не верю, чтобы там,
В дали
Великих дней,

Мешок для выплаты
Под красным флагом вы несли.
Неужто вы о плате помнили,
Бросаясь в битву с головой?!
Неужто сами вы не поняли,
За что держали смертный бой?!
Да не за то ли, чтобы дочиста
Все барски-рабское — за дверь.
А в том числе — чины и почести,
О коих плачетесь теперь.

2

А те, которых пули срезали
С земли морозной без следа,
Большие, маленькие, средние,
В шинелях мерзлых, как вода,—
Уж то-то люди были странные! —
Ни лиц, ни памяток от них...
Но их могилы безымянные
Ничем не хуже именных.

3

Не разевайте ж пеликанами
Мешки для славы и услад:
Наш мир слагался великанами,
А великаны не шумят,
За раны старые — не держатся,
За подвиг платы — не берут.
(Иначе подвиг будет делаться
Вот так: пуд подвига — за пуд

Признанья. А потом — под спуд.
Но если слава обязательно
Должна быть плотно-осязательна,
То, может, вам воздать капустою,
Или каких-нибудь других
Продуктов дать?)

Нет! Не сочувствую
Таким. И не терплю таких:
«Непонятых»,
На щит не поднятых,
Готовых п о д в и г взять назад!

Награды созданы для подвигов,
Но подвиги — не для наград.

1964

НОВОМУ ЗОИЛУ

На дворе, у склада, клонилась ничья трава,
А под крышей склада хранились ничьи слова.

Не коли меня, шило, сверло, не сверли,
Не подмигивай, нож, топору;
У меня и слова и поступки — свои:
Виновата! — чужих не беру.

Под нажимом жёрнова, что ли, мне стать иной?
Трудно стать иной: ведь иные не станут мной.

Снарядив каравеллу, меня же спасти
От меня,— пораскинь и пойми:
Я согласна твои манускрипты писать,
Если ты согласишься — мои.

Да, меняется все,— уж таков закон бытия.
Да, меняется все: изменяюсь, быть может, и я.

(Называть изменение изменой — навет
На моря и земные пласты.)

Изменюсь — уж тогда извинюсь или нет,
Но менять меня будешь не ты.

Подогнет на ветру колени ничья трава...
Я не бог, не гений; а вдруг и не я права?..

Если так — то внуши мне свою правоту,
Прямо к солнцу ее обрати!
Может быть, я поверю тебе.
Но кнуту
Твоему
Не поверю! Прости!

1963

НАДПИСИ НА КЛИНКАХ

1

Есть изречения на клинках Кавказа:
Стремительный литературный жанр.
Единственный воздействующий сразу,
Как выстрел в лоб, обвал или пожар.
Читатель рукоятей — книг железных,
Продолговатых, узких и стальных —
Читатель был особенно прилежный
И в этом смысле стоил остальных,
Чью кровь по капле книга разжигала
Медлительной бумажною мечтой,
Тогда как кровь читателя кинжала
В одно мгновенье делалась густой.

2

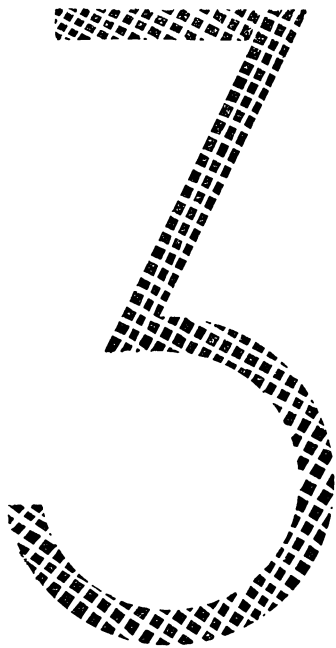
Но не могу отбиться от усмешки
Над яростным читательством ножей:
Оно имело признак странной спешки
И доходило только до ушей,
Минуя разум.

Мудрый аксакал
Напрасно гнал значков кривые рати
Вверх по теченью светлой рукояти.
Потомок в эти буквы не вникал...
Уже целенаправленный,
Вернее —
Уже целенатравленный давно,
Он видел в этих надписях одно:
«Убей!»...
Видать,
Читатель был умнее
Прочитанного!
Надписям умея
Любое толкование придать,
Он понимал их творчески, видать!
«Убей!»...
И хоть бы надпись диктовала
Не убивать — убил бы все равно.
Хотя бы и в природе не бывало
Той надписи,— убил бы все равно.

3

А между тем реклама брадобрея
И та хищней, чем надпись на мече;
А между тем
Нет ничего добрее
Да и мудрей, чем надпись на мече.
И если бы всегда она читалась
Зрачками, а не бликами белка,
От каждого клинка бы нам осталось
Не то, что остается от клинка,

Тогда отец не завещал бы сыну
Как руководство свой предсмертный бред
И не вросла б со стылой сталью в спину
Грядя значков, честней которых нет.
И как теснит свою же сердцевину
Натуженными зубьями чеснок —
Не сжать бы пальцам горькой рукояти.
Не видеть бы орлу змеиных снов.
Джигиту не ползти.
Зачем невесть
По всем ущельям пыль полой не мечь.
И если здесь пылинка смысла есть,
То привели пылинку на канате:
Ну кто же видел истину в засаде
И сзади нападающую честь?!
Когда б задиры вызубрили фразу:
«Семь раз отмерь и только раз зарежь» —
Они бы не зарезали ни разу,
Отмыв глаза от кровавых завес.
Семь раз отмерь! Не всё же смерть и натиск!
Возьмем хотя бы даже палача:
Он сам помрет, когда увидит надпись
Как будто *для* меча, но *без* меча.

РАДОСТЬ

У ворот июля замерли улитки,
Хлопает листьями
Вымокший орех,
Ветер из дождя
Выдергивает нитки,
Солнце сыплет блеск
Из облачных прорех.

Светятся лягушки и себя не помня
Скачут через камни рыжего ручья...

Дай мне задержаться
На пороге полдня,
Дай облокотиться
О косяк луча!

1964

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Светает. Я палец на губы кладу:
Опять соловей поселился в саду;
Сейчас он начнет —
И дрему разгонит, разгонит...
Вот кончиком трели он воздух кольнул,
Подумал — и в воздухе трель повернул.
Как в сердце кинжал повернул.
Разбойник! Разбойник!

И воздуху сделалось больно.
Так больно!
Из воздуха кровь проступила невольно
И капель густой на листьях запеклась:
Живая, живая...
Наутро соседи цветы поливали
И маленькой розой ту каплю назвали.

А я — знаю все. Но молчу...
Разбой покрываю.

1961

ЗОЛОТОЕ ПЯТНО

Стрекочут, стрекочут, стрекочут вокруг,
Стрекочут, стрекочут окрест
Кузнечики: всепроникающий звук,
Веселый зеленый оркестр.

Закат доалел. И зеленая трель
Смелей понеслась над землей,
Как тучи в траве застревающих стрел,
Как трепет углей под золой.

Мелькнул, обозначив рубцы на стволе,
Зарницы недалний огонь...
Стемнело... Приблизилось небо к земле,
Как будто к ладони ладонь.

Белеясь березами, сумрак растет,
Так плотен и томно-душист,
Как будто в огромных ладонях растерт
Огромный березовый лист.

Запел соловей... За листвою впотьмах
Зажглось и погасло окно,
Но долго еще в утомленных глазах
Плывет золотое пятно.

1964

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Лампа
С тенью в глубине,
Мотыльки вокруг нее...
На бревенчатой стене
Я заметила ружье...
Кот царапал по дверям,
Мерно маятник вилял,
Рыжий,
Словно хвост лисы;
В теплых трещинках и в дымке
Басом тикали часы...
В середине потолка
Было что-то вроде дырки
От смолистого сучка...
Где-то реяли обрывки
Паровозного гудка...
Стало жаль, что этот вечер
Был не дома, а в гостях...
Впечатленье этой встречи
Я зажала в двух горстях,
Встречи с паклей между бревен,
С очертаньями ружья,

С шумом сосен...
Сдвинув брови,
Вдруг почувствовала я
Прямо в доме грустный, грустный
Холод ночи захоластной,
Мокрый сад без соловья...
Ночь
Моих волос касалась:
На мгновение показалось,
Что шиповника душа,
Колыхнув между гостями
Темной скатерти кистями,
Пролетела не спеша...

1965

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

В парке туман
И молочный лунный свет,
И спит кузнечик, мокрый от росы...

Я вышла на поляну.
Там теснилась
Росистая трава.
Она была
Безжизненно-бела,
Как будто снилась,
А не была
На самом деле.

Серебристо-светлая земля
Казалась далекой,
А ведь я на нее наступала...
Не странно ли
Наступить на далекое,
Или сознать далеким
То, на что наступаешь!..

Звездный свет
Упал на мое лицо,
Звездный свет.
Не странно ли, что этот свет
Одновременно
Горит
В недосыгаемой дали
И здесь,
У меня на лице?

А может быть, той звезды уже нет?
Может быть, она, от старости,
Давно уже выпала из орбиты,
Как драгоценный камень из оправы?
Но ее далекий свет,
Свежий и холодящий балладный свет
Падает на мое лицо,
А потом перейдет на другое чье-нибудь
лицо

И еще
Долго, долго будет жить,
Передвигаясь
С куста на куст,
Перебираясь
Со лба на лоб
И с уст на уста,
Как песня,
Как тихий мужественный рассказ,
Как благородная легенда.

НАСТРОЕНИЕ

Снег выпал,
Грязь выпил,
Грязь выпила снег...
Не близок ночлег,
Но близок рассвет...
Сегодня заснуть не придется...

Как нежная пряжа, прядется
Глухой, неуверенный свет.

Снег выпал,
Согрелся в канаве,
Растаял на желтой траве...
То гуще,
То реже тонами
Плывут облака
В не окрепшей пока
Синева...

Двенадцать проталин сменялись
местами,

Какие-то тени привстали...

Дорога в тумане

Тепла,

Как рука в рукаве...

...Снег выпал,

Растаял,

Но, тая, оставил

Беззвучную речь за устами

И вкрадчивый блеск

На промокшей, полёгшей ботве.

1964

МЕДЛЕННАЯ ВЕСНА

Не морскими узелками почки завязались,
Не гордиевыми: время развязаться!
Как медлительна весна! И как недвижна завязь!
Только тучам не сидится — тучи мчатся.

Верба в сумерках неверных кажется зеленой,
То ли зеленеет в самом деле?
Подошла и пригляделась к ветке наклоненной —
И опять ошибка! Где же зелень?

Зелень носится, как гений, в воздухе весеннем,
Для простертых к ней ветвей неуловима.
Ни на чем. Сама собой. Зеленым наваждением...
А наткнется на кусты — прольется мимо...

Или это цвет коры черемух? Или это
Смутно брезжит сквозь березу ветка ели?
Я брожу в зеленой мгле по роще неодоетой,
Вижу зелень — и не знаю: где же зелень?

1962—1965

ЕЖ

Комочек игл и грустных размышлений —
Конфузливый
Густой и пестрый еж!
Опять сидишь
В своем колочем шлеме
И воздух недоверчиво жуешь.

Спишь на полу, а думаешь о птицах
Среди перебегающей листвы...
Держать ежа в ежовых рукавицах
Природой не дозволено! Увы!

Настанет час: блеснет зеленый выход.
Задвигнутся виденья по канве
Твоей судьбы.
Я дверь открою тихо;
Ты побежишь — и скроешься в траве.

1964

ЛЕС

Кедры, сосны корабельные —
Я не знаю почему —
Пели песни колыбельные
Беспокойству моему.

Хвойный воздух душу связывал
И темнел и вечерел,
Но щавель мне путь указывал
Наконечниками стрел.

Шла процессиями длинными
Копьевидная трава,
Пни шуршали древесиною
И крошились, как халва.

Колокольчиками белыми
Ландыш косо моросил,
Выворачивались бельмами
На ветру листы осин.

Луч ломился в норку беличьью...
Уж — блеснул у самых ног,

Как набитый медной мелочью
Редко связанный чулок.

Было что-то в нем старинное —
От подсвечников витых,
Как тащил он тело длинное
В кольцах темно-золотых.

И о том, что день кончается,
Прилетел прохладный вздох —
Вздох болота, где курчавился
На слезливой кочке мох.

Там теперь стоял, наверное,
Журавель, понурив нос
И в застывшее мгновение
Погружаясь... Вот и ночь...

Вот и звездочка далекая
Повисает в синеве,
И фиалка волоокая
Растворяется в траве.

КУВШИНКА

Все цветы на первый слух молчат:
Там, в лесу, и дальше, за ручьем...
Все цветы — на первый слух — молчат,
Если их не спросишь ни о чем.

Да, но ветер,
Пчелы и роса,
Чуть касаясь их раскрытых ртов,
Кажется, любые голоса
Могут сделать голосом цветов.

Но кувшинка молчаливей всех.
Сколько ни стою на берегу,—
Но кувшинка молчаливей всех,—
Я ее расслышать не могу.

Горло ль ей сдавила глубина,
Тайна ль тайн под ней погребена,
Но кувшинка
Молчаливей всех:
Все поют — молчит она одна.

Я плутала у тяжелых вод,
Я старалась к ней найти подход —
Все напрасно: полчище болот,
Как на грех, кувшинку стережет.

Полчище болот-бородачей,
Скопище чудовищных ночей,
Сонмы сов, бессонных, как на грех...
О! Кувшинка
Молчаливей всех.

1961

Река текла как дождь,
Лежащий на боку,
А дождик шел как речка в вертикали,
И мост подныривал подобно поплавку,
Когда струи по нем перетекали.
Казалось: из руки выскальзывает меч,
Волна
То прятала настил, то обнажала...
Дождь высказался, смолк,
Но дождевую речь
Всю ночь река
Вела и продолжала.
Пойти, проведать ночь...
Лопух водой налит...
Во мгле не разглядишь, но тронешь и
припомнишь
В зубцах и в капельках зелено-синий лист —
Прикушенно алеющий шиповник...
Сад
Свищет свежестью, как нитка в полотне,
Сирень ноздрится в шахматных деленьях,
Жасмин белеется в мучнистой полутьме
Из-под сырых расплывчатых деревьев.

Сойду к реке: не захлебнулся ль мост?
Деревья пререкаются во мраке,
Тьмы черных листьев трутся между звезд,
Как толпы человечков из бумаги.
Из черной же. Высоко в темноте.
Они гарцуют, пляшут, шьют, дерутся,
Пьют, валятся с коней... Но в близости к воде
Расступятся, как карты разберутся.

1965

Как дрожит на ветреном закате
Солнце сквозь древесные прорывы!
Тьмы лучей
Волнуются, как пряди
Светлой развевающейся гривы.
Перепутываются, сверкают
Фехтовальным блеском пререканья;
Новые сверкания
Свергают
С трона предыдущее сверканье...
Дымный под наклонными лучами,
Образующими царский гребень,
Зубья солнца в кудри получая,
Лес растерян, распылен и бледен.
Но уже, как занавес к закрытью,
К темноте край леса тяготеет,—
Солнце наклоняется к отпильтью,
Даль слабеет, небо сиротеет...
Пятна роц
Сместились, как шальные;
Тихо от деревьев отлетели
Их полупрозрачные, двойные,

Ложные, двусмысленные тени.
И уже деревья
У преддверья
Неизвестной ночи
Задрожали,
И уже
Своим теням не верят,
Потому что тени убежали.

1965

□ □ □

Солнце село,
Степь остепенилась,
Приутихла — и опять забилась;
Из цветов, из трав, из их возни
Образ ночи медленно возник.

Потушив свои дневные краски,
Бабочки, как бархатные маски,
Тяжело с бесшумной высоты
Падают в бесцветные цветы.

Майский жук из мая ненароком
Залетел в июнь: стучится боком
В воздух, как в забитое окно,
Но вернуться в май — не суждено.

Желтые цветочные пылинки
Сели на былинные былинки,
Но нельзя былинку опылить —
Легче уж пылинку обылить!

Губкой мрака смоченные ноты,
 Чмокают и свищут звуки ночи,
 Но лишь тот,
 который слаб и сух,
 Чем-то мой затрагивает слух.

Сытый стебель
 чужд подземным звукам,
 Равнодушен к сусликовым люкам,
 И верхушке сытого стебля
 Редко вспоминается земля.

Но шуршит, шуршит не уставая
 Злак пустой, как трубка слуховая,
 Хрупкий рупор возгласов земли —
 Память лет, которые прошли.

1962

Дворник листья неохотно ворошит
Под наплывом облетающих аллей;
Полог неба предвечернего прошит
Обрывающейся ниткой журавлей.
За рекою, отраженные в реке,
Люди с вилами подъехали к стогам,
Точно карлы к великаньим пирогам
С великанистою вилкою в руке.
Веет свежестью обоих берегов,
Странной яркостью
И сказкой дышит быт;
За телегами по зелени лугов
Тучей ливневою бродит черный бык...
Ухожу среди слабеющих берез.
Нет улыбки в их безликой белизне,
Тем томительнее за сердце берет
Эта бледность, равнодушная извне...
Дети кукол рассадили возле пня
И, забыв о них, ушли за бузиной;
Куклы зябнут и, уставясь на меня,
Отсыревшие, сидят передо мной.

1960—1965

Баклажаны бока отлежали,
Им наскучили долгие сны.
Возле красной кирпичной стены
Огуречные плети повяли.
Мак потух на ветру, как фонарь;
Лепестки, словно отблески света,
Разлетелись — и замерли где-то...
Солнце в небе — как в море янтарь —
В мокрой дымке, похожей на ил...
Но еще лопухи лопушатся,
Но еще петухи петушатся;
Чу! — строптивное хлопанье крыл...
Лишь один только старенький кочет,
Приближенье зимы ощутив,
Кукарекнуть для бодрости хочет,
Да никак не припомнит мотив
И слова... И в зобу застревает
Стертый хрип, неосмыслен и ржав,
И на месте петух застывает,
Бледно-желтую ногу поджав.
Всплыли в нем ломота и томленье
Белым пальцем грозящей зимы,

Мрачен трепет его оперенья,
Как пожар за решеткой тюрьмы.
Бузиной гребешок багровеет,
Льется блеск ревматического мха
Вдоль по перьям,
И холодом веет
Чуть заметная тень петуха.

1962

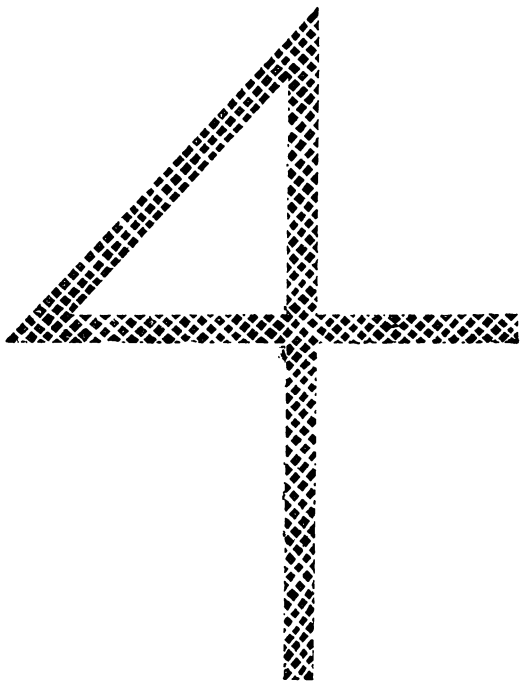
Осень.

Тишина в поселке дачном,
Лето прижимается к земле,
Паутинка в воздухе прозрачном
Холодна, как трещина в стекле.

Сквозь песочно-розовые сосны
Сизовеет крыша с петушком;
В белой дымке бархатное солнце —
Словно персик, тронутый пушком.

На закате, пышном, но не резком,
Облака чего-то ждут, застыв;
За руки держась, исходят блеском
Два последних, самых золотых;

Оба к солнцу обращают лица,
Оба меркнут с одного конца;
Большее несет перо жар-птицы,
Меньшее — пушинку жар-птенца.

ДУША ВЕЩЕЙ

Люблю дома, где вещи — не имущество,
Где вещи легче лодок на причале.
И не люблю вещей без преимущества
Волшебного общения с вещами.

Нет, не в тебе, очаг, твое могущество:
Хоть весь дровами, точно рот словами,
Набейся — я и тут не обожгусь еще,
Не будь о г н я меж камнем и дровами.

Мне скажут: брось мечты, рисуй действитель-
ность,

Пиши, как есть: сапог, подкову, грушу...
Но есть и у действительности видимость.
А я ищу под видимостью — душу.

И повторяю всюду и везде:
Не в соли соль. Гвоздь — тоже не в гвозде.

1963

ЖЕМЧУЖИНА

В коралловом лесу жемчужина живет,
Похожая на капельку тумана.
Баюкает ее столетья напролет
Жужжанье голубого океана.

Занятно, что ее когда-нибудь найдет
Ловец жемчужин: цепкий, как лиана,
Цейлонец или сын чужих широт,
Могучий, точно хвост Левиафана.

Кто скажет! — велика ль, мала ль ее цена
Там, под водой, где цен не назначают?
В сияние свое, как в сон, погружена,
Жемчужина не цену излучает.

Но цену ей дадут. И сны ее — ценой —
Спугнут. А эти сны — ценней ее самой.

1959—1964

□ □ □

Пробрезжил красным листик темной зелени,
Роса упала, волос поседел.
Скажи, когда они все это сделали?
И в щелку-то никто не подглядел!

Как незаметно, призрачно приделаны
Пределы к суткам сутолочных дел!
Вот — паутинка меж кустом и деревом:
Уж не она ли в чем-то — твой предел?

И может быть, тропинкой цвета финика
По желтым листьям в рощу забредешь
И паутинку, словно ленту финиша,
На самой середине разорвешь.

И далее по этой же тропинке
Пойдешь не так, как шел до паутинки.

1960

СТАРИННОЕ СЛОВО

Поэт и слава — нет опасней сплава.
Не в пользу лбам название чела.
И часто, часто — чуть приходит слава —
Уходит то, за что она пришла.

Жужжит и жалит слава как пчела:
Ужаленные пухнут, точно лава,
Готовая застыть. И величаво,
Как гуси в пруд, глядятся в зеркала.

И слово-то какое! Аллилуйя,
Осанна... О, сладчайшие слова!
Как будто туфлю папскую целую —
Не чьим-то ртом, а именно сама.

Не славлю даже славного. А то ведь —
Устану славить — стану славословить.

1962—1964

ЭТАПЫ ГЛУПОСТИ

Ум — домосед. А дурь живет на воле.
Свирепствующий в глупой голове
Известный ветер — ищет ветра в поле;
Два ветра сшиблись; дури стало две.

Дурь быстро множится, дурь молится молве;
Мила, общительна, ни крови в ней, ни боли:
Ведь тряпки не болят! И от укуса моли
Не проступает кровь на рукаве.

Но только тот дурак вполне вкусил блаженства
И высшую награду получил,
Который дурь свою до совершенства
Довел, образованием отточил.

Болван, чья ограниченность гранилась,
Как бриллиант, как тонкость и ранимость.

БЕССМЕРТИЕ

Он связывал бессмертие не с летними
Утрами, не с пронзительной тоской
По лучшему, а с траурными лентами,
Мясистыми, как длинный гад морской.

Он связывал бессмертье с монументами
Столбнячными, с наструганной треской
Сухих цветов... А сам себя — моментами —
С живой мемориальной доской.

Конечно, он доска мемориальная.
Верней — мемориальное бревно.
И все-таки, проплыв мимо реального,
Ему в забвенье кануть суждено.

Так тонет поп, не смея скинуть ризу,
Блестящую, но тянущую книзу.

1963

СТАТУИ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

О статуи! Отныне и вовеки
Я вам прощаю тоги и венки
И не считаю пущенным на ветер
Тот мрамор, что ушел на кадыки.

Не шлю громов на профиль толстоветкий,
На меченосный окорок руки,
Простертой в дурь столетьям вопреки:
Ведь памятники — те же человеки,

Хотя и — в столбняке. А вы как раз
К тому и шли: живьем остолбевали;
Ваш паралич родился вместе с вами,
А ваше погребенье — раньше вас

И раньше Рима: с известью и мелом,
С фундаментом его смертельно-белым.

СОЛОМИНКА

Аристократ и варвар заодно.
Их жесты, разумеется, не схожи,
Но пить из дамской туфельки вино
И лаптем щи хлебать — одно и то же.

Аристократ и варвар — заодно.
Издравле хаму снится чин вельможи,
Зато эстету — дева, вся в рогоже,
Дну снятся сливки, сливкам снится дно.

Иной — усы в бочонок окунает,
Иной — через соломинку сосет.
Но кто грубей, кто изменнее? Тот
Или другой? Бог ведает! Черт знает!

Из бочки можно капли извлекать,
Зато через соломинку — лакать.

1964—1965

□ □ □

О лысина, столица ореола!
Под шляпою ты спишь, как стадион
Во тьме ночной, как место для футбола,
Где матч из-за ненастья отменен.

Глухой пустырь, где холодно и голо,
За крепкими заборами корон
Упрятанный, блистательная школа
Смиренья для блистательных имен!

О лысина! В минуту высшей славы
На кудри честолюбца снизойди,
Как в летний зной на жаждущие травы
Снисходят благодатные дожди.

Он видит сон, где главное наружно;
Блесни! Ударь! Ему проснуться нужно!

1965

СВОДНИКИ

Кухарка вышла замуж за компот,
Взял гусеницу в жены огородник,
Грядущий день влюбился в прошлый год,
А виноваты — сводница и сводник.

У сводников — своих законов свод:
К бирюльке в плен идет бирюк-работник,
Прилежницу всегда прельщает мот,
Но никогда — негодницу негодник.

Всех сводят сводники: козла с капустой, сор —
С отсутствием метлы, рубашку — с молью,
Огонь — с водой, пилу или топор —
С деревьями, шиш — с маслом, рану — с
солью...

Но близок час расплаты; он придет
И сводника... со своднею сведет.

Мы только женщины — и, так сказать, «увы!».
А почему «увы»? Пора задеть причины.
«Вино и женщины» — так говорите вы,
Но мы не говорим: «Конфеты и мужчины».

Мы отличаем вас от булки, от халвы,
Мы как-то чувствуем, что люди — не ветчины,
Хотя, послушать вас, лишь тем и отличимы,
Что сроду на плечах не носим головы.

«Вино и женщины»? — Последуем отсель!
О женщина, возьми поваренную книжку,
Скажи: «Люблю тебя, как ягодный кисель,
Как рыбью голову! Как заячью лодыжку!»

По сердцу ли тебе привязанность моя?
Ты не пирог? Не сыр? Ты — человек? А я?

1965

ШТАМП

Словес многовековые наносы
Виной тому, что образ овдовел,—
Пергаментом повеяло от розы
И соловей над ней осоловел.

А был Гафиз: поили розу росы.
Был Саади — и соловей звенел.
Она цвела беспомощно, без позы,
Он пел без фразы. Просто брал — и пел.

Их любит мир. Весна без них не может.
Их не берут ни войны, ни века.
И все ж они зачахли. Отчего же?
От шума штамповального станка.

Не черта я боюсь, а трафарета:
Он глуп, смешон, но в нем — кончина света.

1961

СОЗВУЧИЯ

Мне на ухо поэты нашептали
Созвучья для созвучья самого,
Но думается мне, что у Шампани
Нет общего с шампунью ничего.

И ведь не все же — в самом деле! — парни —
Родня Парни; не всякое чело
В чулок пролезет; да и Пермь — не в Парме,
Хоть вынести все это тяжело.

Зачем скрывать! — и я люблю созвучья.
Простая муза тоже не глуха.
Люблю созвучья — веточки и сучья
Таинственного дерева — Стиха.

Вот только не люблю, когда созвучья —
Как на сосне березовые сучья.

1963

РЕКВИЗИТ ОДНОГО ПОЭТА

Все прелое, все квёлое, томленное,
Все — шмяклое, наплывшее на край
Губы... Но в то же время все — ядрёное,
Бой-бабистое, крепкое, как ларь,

Брыкастое, бедрасто-беспардонное,
В большом платке, цветастом, как букварь,
Хотя притом — опять-таки — сморённое,
Сомлелое... И муть... И хмырь... И хмарь...

Пожалуй, нужно много умудрённости
И надо быть врожденно-пожилым,
Чтоб сочетать крупчатый пых ядрёности
И крутосвари с прелым и гнилым.

Неуж тебе и вспомнить не случается,
Что крутосварье прелью исключается?!

РИФМА

Невидим гвоздь в подошве башмака:
Он на посту невидимости занят.
Но только там походка и легка,
Где гвозди напоказ не вылезают.

А там, где гвозди лезут напоказ,
Шаг прячется, походка исчезает;
И там, где рифма с л и ш к о м потрясает,
От потрясенья гибнет вся строка.

Не надобно особого таланта,
Чтоб только бантом рифму уложить;
Любое платье может жить без банта,
Ботинок без гвоздя не может жить.

А твердость поэтической походки
Не столь от банта, сколько от подметки.

1965

ЧУЖОЙ ЛЕС

Чем меня ты взял бы, лес чужой?
Не дуплом, не шишкою, не птичкой,
Не стократных звуков перекличкой,
А моей привычкой — но большой,

Старой и большой к тебе привычкой!
Чуда не прошу: не будь душой —
Будь плащом души, будь рукавичкой,
Буду я рукой! Но ты — чужой.

Как связать оборванную привязь?
Как пробраться в чащу прежних лет?
Как вернуть ту радостную примесь? —
Старым, старым сделать новый лес?!

О цветок союзный, чистый, белый!
Сделай все, как было прежде! Сделай!

1965

МОРОЗ

Дед-лесовик не досчитал до ста,
А по снегам уже ветвится мгла,
Уже закатным облачком хвоста
Свой синий след лисица замела.

В святом венце сверкающего льда,
Как девы лик, чернеет брешь дупла...
Стеклянный еж — Полярная звезда
Над голубыми соснами взошла.

Как битое стекло, хрустит мороз,
Железом пахнет серый лунный свет,
В оплывах снега дремлют пни берез
Огарками задурых ветром свеч.

Лишь над берлогой слабый дух тепла
Дрожит, как пар над крышкою котла.

1964

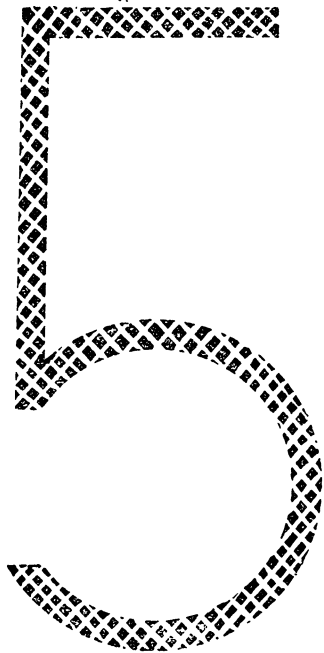
ЛУННАЯ НОЧЬ

В середине лунного луча
Запеклись соломенные стулья,
Как внутри серебряного студня
Косточки волшебного леща.

А луна все трудится, луца
И луца — разборчиво и скудно —
Ядра стен, белеющих подспудно,
От теней, от шелухи плюща...

Хлынул ветер... Я сошла с террасы...
Быстро под ногами стал стираться
Лунный луч в надтрещинках теней,

Резкий, как расколотая плитка...
Помутились рощи... Ближко, ближко,
Чуть не по лбу щелкал соловей.

□ □ □

Прошел, прошел,
Осыпался Новый год:
Все куклы с елки
Попадали вниз лицом...
Блестящий шарик,
Как перезрелый плод,
Свалился с ветки —
Смирился с таким концом.

Морозной ночью
Стыдливо, крадясь как вор,
Уносишь елку —
Бросаешь на задний двор,
Но завтра снова —
За шкафом и там, в углу, —
Найдешь от елки
Еще не одну иглу.

И долго будешь
От игол свой дом полоть,
А иглы будут
С укором тебя колоть —

Так тихо-тихо,
Как, долгую мысль тая,
Свою же руку
Порою кольнет швея.

1964

РЫЖАЯ ДЕВОЧКА

И. Земской

Рыжая девочка в синей матроске
Села на белые доски;
Хочется ей, чтобы море размыло
Этот сыпучий
Медленный спуск...

Скользкий да мокрый, как в мыльнице мыло,
В радужной ракушке дремлет моллюск.

Ил
Обнял сваю...
Я засыпаю
И засыпаю
Песком свои следы...
Снятся мне сны
Целебные:
Рощи великолепные,
Войлочные, волшебные
Пальмовые сады...

Что ж вы не признаётесь?
Вы надо мной смеётесь!
Я не прощу вам!
Не прощу!

Но солнце тоже смеется надо
Мною. Ну, значит, так и надо;
Если солнце смеяться пере-
станет — я загрузу.
...Юбочки-клеш надевают медузы
И световые рейтузы
И уплывают на праздник свеченья,
Перед собой
Держа зеркала...
Сыплются, сыплются искры теченья,
Синим огнем обгорает скала...

Что там?
Витрина
Или
Ветрило?
Ах,
Я забыла:
Где море, где земля...

Световыми рекламами
Рыбки по небу плавали,
Плавниками из пламени
Медленно
Шевеля...

Что ж вы не признаётесь?
Вы надо мной смеётесь!
Я не прощу вам,
Не прощу!

Но солнце тоже смеется надо
Мною... Ну, значит, так и надо;
Если солнце смеяться пере-
станет — я загрущу...

1962

ВОДОСТОЧНЫЕ ТРУБЫ

Дождь,
Дождь вечерний
Сквозь водосточные трубы;
Мокрые стены,
Зеленая плесень да мох...
Ах, эти трубы!
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

Трубы, вы трубы!
Я вашим тайнам не рада!
Ржавые трубы!
Вы бросьте про тайны трубить!
Я вас не знаю,
Мне ваших секретов не надо:
Зная секреты,
Трудно мечтать и любить.

Верю, ах, верю
Тому, что за этою дверью

И в том окошке
Измена, обида, обман...
Верю, ах, верю! —
Но почему-то... не верю.
И улыбаюсь
Каменным этим домам.

Верю надежде,
Даже как будто напрасной,
Даже напрасной,
Совсем невозможной мечте...
Вижу я город,
Вижу я город прекрасный
В белом тумане,
В черном вечернем дожде.

Трубы, вы трубы!
Бедные!
Вы еще стары!
Вся ваша плесень —
Лишь первый пушок над губой;
Вы еще стары,
А мы уже юными стали,
Хоть мы узнали
Самую старую боль.

...Дождь,
Дождь вечерний
Сквозь водосточные трубы;
Мокрые стены,
Зеленая плесень да мох...
Ах, эти трубы!

Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

1961

ФОКУСНИК

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак!
Ты чудесен, но хватит с нас чудес.
Перестань!
Мы поверили и так
В поросенка, упавшего с небес.

Да и вниз головой на потолке
Не сиди — не расходуй время зря!
Мы ведь верим,
Что у тебя в руке
В трубку свернуты страны и моря.

Не играй с носорогом в домино
И не ешь растолченное стекло,
Но втолкуй нам, что черное — черно,
Растолкуй нам, что белое — бело.

А ночь над цирком
Такая, что ни зги;
Точно двести
Взятых вместе
Ночей...

А в глазах от усталости круги
Покрупнее жонглерских обручей.

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак!
Поджигатель бенгальского огня!
Сделай чудное чудо; сделай так,
Сделай так, чтобы поняли меня!

1962

ФАНТАЗИЯ

Весенний дождик — вдоль панели, вдоль панели,
По узкой улице, по площади ночной...
Весенний дождик! Ты не падай! Ты помедли!
А ты помедли между тучами и мной.

Ты задержись на этих зонтиках и шляпах, —
Своих дорожных впечатлений не пролей,
Ты подари мне той пустыни горький запах,
Где гривы львов — как парики у королей.

Простоволосая, растрепанная, бредит
Пустыня древняя — и ждет себе грозы;
Ей нагадали, будто кто-то к ней придет,
Суровых кактусов крестовые тузы.

Но только я туда приду: приду и лягу
У края вечности, у солнечных часов, —
Легко и радостно, как буква на бумагу,
И незаметно, как песчинка на песок.

1964

Но караван всё шел через пустыню,
Но караван шагал через пустыню,
Шел караван и шел через пустыню,
Шел потому, что горе — не беда.

1961

РЫБАЧЬЯ ПЕСНЯ

Низко над морем летела снежинка,
С нею напев мой осенний сложился.
Как снежинка

на щеке

распалась,

Так растаял

вдалеке

твой парус.

Дым на бурых крышах...

Гавань в ярко-рыжих

Листьях

И чешуйках

Рыбьих;

Чайки с криком гневным

Бьют по водным гребням

Черными концами

Крыльев...

А-а-а...

Маленький остров, поселок неяркий.

Там, у поселка, ты станешь на якорь;

На костре уха
Вариться
Будет,
Ветер с моря
Котелок
Остудит,
И огонь погаснет
В сумерках неясных,
В сумерках, как сон капризных...

Море беспокойно...
Сеть на серых кольях
Будто на ходулях
Призрак...

О-о-о...

Я не печалюсь, хотя я и рыбачка:
Что мне печалиться, что мне рыдать-то?
И рыбак уху готовить может,
И рыбачка рыбу ловит тоже...

Тенью подбородка
Волны ловит лодка —
Сяду, поплыву
На отмель;

В раковинках белых
Откачнулся берег,
Будто отболел
И отмер...

А-а-а...

О-о-о...

ШАРМАНЩИК

На землю падал снег,
И кто-то пел о том,
Как жил да был старик
С шарманкой
И сурком.
О том, что был он слеп,
Но шел за кем-то вслед,
О том, что на земле
Шарманок больше нет.

Шарманок,
Шарманок,
Шарманок больше нет.

Скажите, а зачем
Шарманка нам нужна?
И сиплая совсем
И хриплая она;
Скрежещет, как возок,
Скрипит, как бурелом,
Как флюгер, как сапог,
Как дерево с дуплом.

Как дерево, как дерево,
Как дерево с дуплом.

Достойные друзья!
Не спорю с вами я;
Старик шарманщик пел
Не лучше соловья.
Но, тронув рукоять,
Поверьте, что порой
Он был самостоя-
тель-
нее,
чем король.

И счастье и печаль
Звучали в песне той;
Был тих ее мотив,
Старинный и простой...
Не знаю, как мне быть!
Нельзя ли как-нибудь
Шарманку обновить,
Шарманщика вернуть?

Шарманщик!
Эй, шарманщик!
...Шарманщика вернуть.

ВОДОПАД

Дышит осень незаметно
На деревья и кусты —
И от ветра и без ветра
Опадают с них листья.

И листом осенним с неба
В море падает звезда;
Не вернуться ей на небо,
Не вернуться никогда.

А водопад —
Он не то что листопад.
Не печалит он, а радует
Там, где падает;
Водопад не листопад,
Водопад не звездопад —
Он веселый от макушки и до пят.

Водопад,
Падай всласть!
Можно пасть, чтоб не упасть,

И упасть, чтобы не пасть
И все на свете не проклясть.

И грохочет водопад,
И хохочет невпопад,
Словно хочет в этой пропасти пропасть.

Ручеек стремится в пропасть —
Грозной бездны патриот:
Разве в пропасть нужен пропуск?
Пропусти его вперед!

Но едва преодолееет
Он запретную черту —
Обомлеет,
Обмелеет,
Спрячет камешки во рту.
А водопад,
Как веселый акробат,
Вызываемый на «бис»,
Летит, летит с уступа вниз:

Водопад не листопад,
Водопад не звездопад —
Он веселый от макушки и до пят...

Водопад,
Падай всласть!
Можно пасть, чтоб не упасть,
И упасть — чтобы не пасть
И все на свете не проклясть.

...И грохочет водопад,
И хохочет невпопад, —
Силы жизни,
Силы счастья в нем кипят.

1962

ПИНГВИН

Как сосулька с отколотым кончиком,
Или звон столкновения льдин,
Или птичье крыло с колокольчиком,
Призвенелось мне слово «пингвин».

Что такое «Пин Гвин»?
Где разыскивать?
А какой он, Пинг Вин?
Как живет?
Над снегами зеленоискрыми
Седоватый запел самолет.

Каждый день пробегал необыденно:
С пестрой песней, с простертой рукой...
А когда я пингвина увидела,
Оказалось: пингвин не такой!

Никогда не летающей птицею
Был пингвин. Но, пожалуй (как знать!),
Не являл ли собой репетицию
Тех пингвинов, что будут летать?

Потому что отвергнутым чучелом,
Снежной куклою, вкопанной в лед,
Он глядел, как тускнеет за тучами
Прилетающий за ним самолет.

Он стоял, уменьшаясь беспомощно,
На расставленных ножках своих
И как будто придумывал поручни,
Чтоб скорей ухватиться за них.

Высота ли беднягу окликнула?
Оттолкнув, тем сильней позвала?
Так ребенка хромого и хлипкого
Занимает устройство крыла.

1962

СОДЕРЖАНИЕ

1

Песня в песне	7
Отголосок	9
Древесина	12
Страна детства	15
Мосты	17
Следы	19
Дорога	22
«Море наклонилось...»	24
Степь	27
Обиженный всадник	29
«Что-то не знаю...»	31
Гипноз	33
Терпение	38
Совершенство	40
Гармония	41

2

Песни Киплинга	45
Роберт Бёрнс	49
Старый певец	52
«Не пиши, не пиши, не печатай...»	54
«Я, говорит, не воин...»	56
Сон	59
Король пепла	62
О наградах	65
Новому Зоилу	68
Надписи на клинках	70

3

Радость	75
Соловей-разбойник	76
Золотое пятно	77
Впечатление	79

Ночная песня	81
Настроение	83
Медленная весна	85
Еж	86
Лес	87
Кувшинка	89
«Река текла как дождь...»	91
«Как дрожит на ветреном закате...»	93
«Солнце село...»	95
«Дворник листья неохотно ворошит...»	97
«Баклажаны бока отлежали...»	98
«Осень...»	100

4

Душа вещей	103
Жемчужина	104
«Пробрезжил красным листик темной зелени...»	105
Старинное слово	106
Этапы глупости	107
Бессмертие	108
Статуи римских императоров	109
Соломинка	110
«О лысина, столица ореола!..»	111
Сводники	112
«Мы только женщины...»	113
Штамп	114
Созвучия	115
Реквизит одного поэта	116
Рифма	117
Чужой лес	118
Мороз	119
Лунная ночь	120

5

«Прошел, прошел...»	123
Рыжая девочка	125
Водосточные трубы	128

Фокусник	131
Фантазия	133
Караван	134
Рыбачья песня	137
Шарманщик	139
Водопад	141
Пингвин	144

Матвеева Новелла Николаевна

ДУША ВЕЩЕЙ

М., «Советский писатель», 1966 г., 148 стр.

Тем. план вып. 1966 г. № 195

Редактор *Фогельсон В. С.* Художник *Боярский Ю. А.*
 Худож. редактор *Мухин Д. С.* Техн. редактор *Минская И. М.*
 Корректор *Солотуб И. Ф.*

*

Сдано в набор 28/1 1966 г. Подписано к печати 2/VI 1966 г.

А 10059. Бумага 70×108¹/₃₂. Печ. л. 4⁵/₈ (6,47).

Уч.-изд. л. 3,70. Текст отпечатан на бумаге тип. № 1.

Тираж 50 000 экз. Заказ № 28. Цена 23 коп.

*

Издательство «Советский писатель», Москва К-9,

Б. Гнезниковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати
 при Совете Министров СССР

г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

23 коп.

23 коп.

Душа вещей

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

